

ТВОРЧЕСТВО КАК ПОРОЖДЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ В ПОЭМЕ Я. КОЛАСА “СЫМОН-МУЗЫКА”

Поэма Я. Коласа “Сымон-музыка” – произведение сложное и многоплановое. По мнению литературоведов Ю.С. Пширкова, М.И. Мушинского, автора прежде всего волновала проблема содержания и предназначения творчества [3, с. 142; 2, с. 7].

В основе творчества Сымона-музыки – народное мировосприятие, вера предков, которые складываются веками. Немаловажную роль в их формировании играет геополитическое положение народа. Во вступлении к части третьей поэмы Я. Колас размышляет о судьбе родного края, расположенного на территории, где сталкивались интересы разных этносов, а затем и государств: *Тут схадзіліся плямёны // Спрэчкі сілаю канчаць, // каб багата адароны // Мілы край наш зваецца..., // Нашы спевы апаганіць, // душу вынесці на здзек, // Каб у віры той ашукі знішчыць нашы ўсе сляды, // Каб не ведалі і ўнукі, // Хто такія іх дзяды*. Враги не просто топчут белорусскую землю, они стремятся уничтожить душу белорусского народа, навязать чуждую ему веру: *З двух бакоў “айцы” дубінай // Заганялі нас у рай!.. // І цяпер над намі, брацце, // Яшчэ ў сіле той раздор – // І палоўскае закляцце, // І ксяндзоўскі нагавор*. Из текста видно, что и православие, и католицизм, христианство вообще, для белорусов являются чужеродными. Конечно, во многом эта мысль продиктована социальным заказом, однако действительно существующая проблема здесь обозначена. Очевидно, именно многоконфессиональность привела к тому, что ни одна из религий, привнесенных на земли белорусов, не стала осознаваться как истинная, как вера предков. Это положение сохранили древние формы религии. И православие, и католицизм остаются во многом чужими, воспринимаются на уровне сознания, а не подсознания.

Еще более ярко показано в поэме неприятие белорусами иудаизма. Когда Сымон попадает в корчму Шлёмы, он видит иной жизненный уклад, иные ценности. Но более всего его поражает портрет раввина, который служит в поэме воплощением иудаизма: Сымону кажется, что раввин везде преследует его злым взглядом: *А рабін строгі / Са сцяны глядзіць стражэй... / Ці то вушы, ці то рогі? / Бровы ссунуты ніжэй, / погляд злосны і нямілы*.

Герои поэмы по-разному понимают и воспринимают действительность: сказывается влияние на формирование картин мира каждого из них различных

религий. Наиболее ярко это видно в сцене грозы. Сымон и дед-нищий идут по полевой дороге, и здесь их настигает гроза. Вот как передаются впечатления Сымона: *Сам пярун там грозналіцы // Перайшоў зямлі граніцы // І вядзе на ёю раць. // Лук яго з маланак звіты, // Хмара – шчыт, а стрэлы – гром, / Бура – конь мнагакапытны...* То есть Сымон воспринимает грозу, как язычник. Несколько в ином свете видит происходящее нищий: он объясняет мальчику, что это Илья сражается со злым духом. Здесь, несомненно, сказывается влияние православия, хотя объяснение не лишено и некоторых порожденных язычеством деталей. Однако Сымон рисует себе картину, где черти, скорее, напоминают леших: *Унь на дзераве з бярозы // рожкі вытырклі і хвост, / Штось пабегла там у лозы, / Нешта скокнула пад мост. / А што там у пні за дзіва? / Вушы, нос і кальтокі... / Ну, напэўна там чартокі / Грытаіўся палахліва.* Таким образом Я. Колас показывает читателю, что вера предков, сложившаяся еще до возникновения христианства, глубоко укоренилась в подсознании белорусов и вытесняет более поздние представления о мире, сформированные под влиянием христианства.

И. Науменко в монографии "Якуб Колас" подчеркивает, что, решая проблему жизни и творчества, Я. Колас обращается к идее пангуманизма, которая допускает психическое начало, душу, во всех предметах окружающего мира [1, с. 108]. Действительно, Сымону все вокруг кажется живым. В своей первой, еще детской, песенке, которую не понимают взрослые, он называет песок своим дружочком и добавляет: *Ой, якія байкі // Баюць мне пясочки.* Немного повзрослев, став пастушком, Сымон пристраст к расспросами к пастуху деду Куриле, мальчик хочет понять, чувствует ли боль земля, когда ее пашут. С объяснениями деда он не соглашается, возражает: *Усё жыве і душу мае: / Краска, дрэва і жучок...*

В представлении Сымона растения не просто имеют душу, они наделены еще и способностью говорить, петь, что передается соответствующими лексическими средствами: *гаворыць жытні колас, спявае з кветкай кветка, жытцо загаманіць, шэлчацца трава, жыта шумам-спевам мову-песню павядзе, лес гаворыць, у гайданні гэтых голек спеў чуваць.* Они могут выражать эмоции, причем самые разные – от радости до горя: *І галоўкай заківаюць, // Засмяюцца васількі; Вецер песні пня ўлетку, / Плача ж жаласна ўзіму.* Более того, окружающая природа разумна, о чем Сымон говорит деду Куриле: *Я так думаю, дзядок, / Што на свеце ўсё дазвання, / Нават камень і пясок, / Мае думкі і настроі...* То, что находится вокруг, Сымон называет *прастор мнагадумны, разумны.*

Так же воспринимает мир дед Данила, бывший лесник, которого Сымон встречает в замке, вот что он говорит Сымону: *А лес, хлопча, хоць ён дзікі, / Але мудры і дзіўны, / Сэнс ён мае патайны...*

Сам Сымон испытывает родственные чувства к природе. Называет себя братом цветка, именует своим братом лес, чувствует гармонию всего живого: *мы жывём – жывуць яны!* Вот что происходит в представлении Сымона ночью: *Спіць усё, а дух сусвету / З духам лучыцца зямлі / І адводзіць ліхасць гэту, / Каб шчаслівы ўсе былі.* Из этого единения с природой и рождается музыка. Сымона манит простор, поля, леса, где он слышит шепот трав и цветов, пение и плач ветра, только здесь он чувствует себя счастливым: *Шоў*

Сымон адзін, свабодны / І не звязаны нічым. / Чуўся ён і поля родным / І тым хмаркам веснавым; / І вітаў іх, ім смяяўся / падарожны малады / І ціхутка у іх пытаўся: “А вы, мілья, куды?..” Іменно здесь истоки творчества Сымона, этим тучкам, дубравам, жучкам он дарит свою музыку, с ними делится переживаниями.

Стремление познать и понять окружающий мир, проникнуть в его тайны отличает Сымона от окружающих его людей, которые зачастую просто не подозревают о существовании каких-то загадок в природе: *Ды ніхто не знаў тых струнаў, / Патайных ніцей душы, / Што злучаюць гук пяронаў / З немым голасам цішы; / Бо і ў той цішы зацятай / Ёсць і голас і свой твар, / Разнастайны і багаты, / Поўны музыкі і чар.* Это стремление порождено той картиной мира, которая складывается в сознании музыканта, наделенного чуткой душой, способного видеть то, что другим недоступно.

Тяжела судьба человека-творца: он не похож на других, его не понимают и не принимают. Все это пришлось испытать Сымону, которого выгнал из дому родной отец. Дед Курила предупреждал Сымона: *Мне здаецца ўсё, што мала / Пажывеш ты, галубок, / Бо не любяць свет і людзі, / Каб іх тайнасці пазнаць, / Каб заглянуць у іх грудзі / І зняць тайнасці пячаць...*

Представляется, что особое восприятие и понимание окружающего Сымоном имеет генетические корни: таким казался мир его далеким предкам. Сымон-музыка – это, в какой-то мере, воплощение Я. Коласа, его зеркальное отражение, ведь во вступлении в поэму поэт писал, что она родилась “ад роднае зямлі, ад гоману бароў, ад казак вечароў, ад песень дудароў”. Очевидно, в какой-то мере каждый творческий человек “вспоминает” то, что уже утрачено его современниками, и воплощает это свое понимание в произведениях искусства, стремится донести его до всех.

Літаратура

1. Навуменка, І. Якуб Колас: Нарыс жыцця і творчасці: 2-е выд., са змяненнямі / Іван Навуменка. – Мн., 2003.
2. Мушыньскі, М.І. Ад задумы да здзяйснення: Творчая гісторыя “Новай зямлі” і “Сымона музыкі” / М.І.Мушыньскі. – Мн., 1965.
3. Пшыркоў, Ю.С. Эпас рэвалюцыі. Паэмы Я.Коласа “Новая зямля” і “Сымон-музыка”, трылогія “На ростанях” / Ю.С.Пшыркоў. – Мн., 1975.